

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

Элементарная феноменология безбилетного проезда

На вокзале я гляжу в расписание: следующий скоростной поезд на Париж — в 15.29. Электричка в 14.31 только что отошла от платформы: я успел застать момент, когда ее заостренный нос с приплюснутыми фарами-глазками уплывал задом наперед по перрону. Вход на одну из платформ перекрыт переносными металлическими барьерами, за ними стоят люди в синей форме: пожилой мужчина, крепкого сложения негр и женщина с суровым лицом. Я знаю, что билеты могут проверять еще на платформе, не допуская безбилетников к вагонам. Загородки и люди в форме меня настораживают. Я начинаю думать, как можно обойти загородку, если она будет перед следующей электричкой. Присматриваюсь к путям: на больших парижских вокзалах поезда отправляются с путей, где под рельсами — довольно глубокие шахты, наверно, чтобы проводить технический осмотр (сначала я подумал, чтобы смягчать воздушный удар при разгоне скоростных поездов). В Марселе это обычные ж/д пути, которые можно легко перейти по шпалам, спрыгнув с платформы. Но человек, углубляющийся на пустой перрон будет выглядеть подозрительно, — думаю я, — особенно в связи с этими *vigilant*'ами. Пожалуй, еще хуже, чем пытаться прошмыгнуть без билета. Я не знаю, что делать, обилие возможных неудачных исходов начинает меня нервировать. Возможно, придется купить билет до Авиньона. Некоторое время я жду очереди, чтобы подойти к билетному автомату, выбираю направление. 136 франков. Ну что же, это терпимо. Если будет загородка, возьму билет до Авиньона, чтобы пройти к вагонам. Возвращаюсь к расписанию. Вокзал полон людей, ожидающих под табло своего поезда, бурно сходящих с только что прибывших поездов, мужчин налегке и вычурных дам с катящимися чемоданами, девушек-метисок при полном параде и бродячих юношей в брезентовых ветровках с потертыми рюкзаками... Между ними прохаживаются работники вокзальных служб: плотные негры, одетые в темно-синие или черные

костюмы с повязками «Безопасность» на рукаве и рацией в руках, тощие юноши и девушки в ярко-оранжевых робах с белой надписью «SNCF» на спине. Те и другие прохаживаются по перрону, внимательно просеивая взглядами толпу. По вокзальному радио время от времени требуют не забывать вещи и компостировать билеты при посадке. Все эти детали нагнетают мою настороженность, я чувствую, что оказываюсь в пространстве усиленного контроля. Но я не могу имитировать обычного, послушного пассажира, дожидаящегося своей очереди под табло. У меня не то настроение: я нервничаю, а мои мысли в движении. Иногда накатывает инстинктивная паника, я беру себя в руки, напоминая себе, что это контролируемый эксперимент и что я сам выбрал его условия. Как обычно в России, я прохаживаюсь по перрону, иногда заглядываю в витрину или вокзальный магазинчик (верчу стенд с открытками-видами Марселя), недолго гляжу на людей, на табло, прохожу за спиной охранника, возвращаюсь к путям, чтобы посмотреть, где можно через них перебраться, время от времени выпадаю из вокзальной круговерти в круговерть собственных мыслей. На табло уже появились указания платформы для поездов, которые отправляются позже парижского, а напротив него — пустое место. Это тоже прибавляет беспокойства. Вдруг перекроют платформу, вдруг это специально? Но, с другой стороны, может быть он опаздывает, и тогда контролера не будет? Меня шатает от испуга к спокойствию. На одном из табло, поменьше размером, появляется номер платформы. Большое, верхнее, только приходит в движение. Я ускоряю шаги и иду в сторону платформы. Путь свободен. Я прохожу вдоль поезда, вспоминая совет садиться в вагон, до которого контролеру дольше идти, чтобы на остановке перейти в противоположный конец состава. Контролера нигде не видно. Да и не должно быть. Наверно, он сядет в самый ближний к вокзалу вагон. Поэтому я дохожу до последнего вагона 2-го класса — дальше ресторан и 1-й класс — и, поколебавшись мгновение, вступаю в проем двери. Прохожу вглубь вагона: он отделен от следующего стенкой из черного стекла. Я сажусь спиной к стенке: весь вагон передо мной, позади стенка, сбежать некуда, но стенка — граница и для контролера. Я раздумываю, стоит ли переходить в другой вагон в Авиньоне, или это не имеет смысла. Решаю, что, скорее всего, не буду, но не уверен. Люди входят, расставляют свои сумки, устраиваются в креслах. Никто не претендует на мое место. Более того, кресло рядом со мной пусто. Когда поезд трогается, я кладу на него свой рюкзак и куртку. Я успокаиваюсь, мой взгляд скользит по проплывающим пейзажам, мои мысли продолжают движение. Я не думаю о контролере. Точнее, я решил, что, если и начнется, то не раньше Авиньона. Наверно, нет смысла переходить в другой вагон. Я расслабляюсь, я отдыхаю. Я думаю еще раз, как уже думал, когда ехал в Марсель, что без билета я ничем не хуже всех остальных пассажиров, что единственное наше человеческое отличие — что они с билетами, а я нет, и меня это никак по отношению к ним не умаляет.

Это потому, что я не хочу чувствовать себя исключенным: я просто не заплатил за поездку, и все. Такие мысли придают мне какой-то особой бодрости: обращая на них собственный взгляд, снова доказав себе, что я не хуже, я чувствую себя выше них, потому что свободнее. Под такие мысли люди вокруг кажутся какими-то застывшими, замедленными, заскорузлыми. То, что я прежде воспринимал как суету, мельтешение одежд и тел, теперь кажется съемкой замедленной камерой, жизнью камней. Они подчиняются порядку, я — нет, и при этом мы в каком-то высшем смысле ничем друг от друга не отличаемся. Под спокойную фортепьянную музыку из карманного приемника, который я, впрочем, вскоре выключаю из-за помех, я ощущаю движение: не перемещение от одной точки к другой, продиктованное необходимостью, а путешествие, преодоление границ, легкую неизвестность, движение как таковое. Авиньон. Поезд тормозит, я вглядываюсь в платформу: нет ли контролера. Нет. Только толпа людей с массивными сумками и чемоданами на колесиках. Наверно, все же, придется сменить место, а то и остаться в коридоре. С другой стороны, судя по заполнению вагона в Марселе, билеты на крайние места продают в последнюю очередь. Люди заходят, глядят в билеты, потом на таблички с номерами кресел, рассаживаются. Глядя на меня, по проходу приближается молодая женщина в светло-коричневой куртке, с заостренным носом и чуть косящими глазами на приятном и даже каком-то умиротворенном лице. Почти дойдя до меня, она замедляет шаг. Это ваше место? — спрашиваю я. Да, — улыбается она, — оба. Ее улыбка совсем не пластиковая. В России я видел такое выражение легкого и постоянного экстаза на лицах сектантов. Может быть, это счастливая протестантка? В любом случае, как я думаю, без Бога не обошлось. Я перемещаюсь в кресло напротив. Следом за ней приходит молодой человек в свитере, с более обычным лицом, разве что нос какой-то средневековый. Она сидит у окна, он усаживается у прохода. Сначала я встаю у кресла, предполагая, что кто-то может его занять. Но тут же решаю, что ожидать этого стоя вовсе не обязательно. Продвигаюсь к окну, кладу ярко-желтый рюкзак на колени, поверх — темно-синюю виниловую куртку. Сажу, поглядывая на пару напротив. Они — на меня. Невольно сосредоточиваюсь на своем внешнем виде — как я могу выглядеть со стороны, подглядываю за своим отражением в темную стеклянную стенку, которая теперь — за их спиной. Удлиненное, чуть покрасневшее лицо, какой-то странно ввалившийся нос. Вспоминаю, что в отражении стеклянных дверей парижского метро я покрываюсь ярко-розовыми пятнами. Наверно, впавший нос — такая же оптическая «болезнь». Что еще? Спокойный взгляд, чуть всклокоченные и явно немытые волосы. Уезжая из Марселя, я захотел оставить немного морской соли в голове, немного грязи на коже и немного пыли на ботинках, покрывшей их тонким слоем, когда мы прыгали по камням, спускаясь к воде — чтобы по приезде в Париж среды двух мест смешались на моем теле, как на палитре. Де-

вушка, все с тем же выражением легкого самоуглубленного экстаза несколько раз посмотрела на меня. Все устраиваются на своих местах. Женский голос чуть дальше по проходу спрашивает что-то о местах на билете. Я поворачиваюсь: две молодые негритянки держа билеты напротив глаз — своих и мужчины-пассажира — объясняются. Мужчина находит указание, что билеты без фиксированных мест и сообщает об этом удовлетворенным голосом. Интересно, почему он доволен? Потому что помог, разрешил проблемную ситуацию, или у него — точно такой же билет, и он рад, что его не согноли? Одна из девушек доходит до конца вагона, взглядываясь в кресла. Я поддвигаюсь, тем самым давая понять, что она может сесть. Но она возвращается. Я снова расслабляюсь. Нет, менять вагон нет смысла. Нужно довести игру до конца. Я точно не знаю, когда мне приходит в голову ощущение игры. Скорее всего, это — продолжение опыта предшествующей поездки, когда я представлял, что и как скажу контролеру. В прошлый раз все обошлось очень спокойно: я сказал, что у меня нет билета, он сказал, что может предложить его купить, я сказал, что нет денег, он сразу же попросил документ, я протянул паспорт, и он ушел; когда он был в дверях, я остановил его, попросив сказать, что он собирается делать с паспортом (я не ожидал, что он его куда-то понесет и немного испугался), он ответил, что собирается выписать мне штраф, я сказал «хорошо», и он ушел, а через несколько минут вернулся, отдал мне паспорт и две квитанции, где вместо адреса стоял прочерк. Кстати, в момент, когда он проходил по вагону — длинный, чуть угловатый парень с волосами, убранными в хвост, на лице которого было что-то от выражения подростка, привыкшего газовать на красный свет на мотоцикле — я быстро и увлеченно записывал в маленькую книжечку свое состояние. Когда он проходил. Думаю, моя занятость, интеллектуальное (или буржуазное?) занятие в момент контроля, а может быть, и страх, что я сам — в каком-то смысле контролер над контролерами (ведь что-то я записываю), могли заставить его не задавать лишних вопросов¹. На этот

¹ Вот запись из книжечки при первой поездке, производившаяся «здесь и теперь»:

Чтобы ехать в Марсель, я сел в TGV без билета (еще и в последний на этот день поезд [т.е. если ссадят, ночевать придется в промежуточном городе]). С одной стороны, я предупрежден-осведомлен, как действуют контролеры: выписывают штраф и т.д. — т.е. никакого насилия. С другой стороны, это риск. Я поделился с Яном: «У тебя могут быть проблемы с визой, — сказал он, — я немного опасаюсь за твое нелегальное путешествие». Начинаю чувствовать себя несоразмерным огромному механизму социального контроля, капиталистическому обществу, только потому, что правонарушение в денежном выражении превосходит все, прежде мной совершенные (прыгать через турникеты в метро, красть в 12 лет из «Диеты» спички и сыр, а в 20 — книжки из книжной лавки). Я чувствую, как буржуазная порядочность во мне сопротивляется этому нарушению. Я себя успокаиваю, утешаю формулой, которую собираюсь сказать контролеру: «Сожалею, месье, но у меня нет билета и денег, чтобы заплатить штраф». Мне кажется, что это — правда, тогда как я мог бы позволить себе купить билет (пожалившись о 700 франках вполне буржуазно), но

раз я хотел большего. Я хотел узнать, как работают контролеры, до каких следствий может дойти проезд без билета. Если он пройдет по вагону — а где-то в глубине себя я бы очень не хотел, чтобы он в действительности прошел — нужно будет спровоцировать его на что-то более сложное, чем просто выписать штраф, но одновременно не слишком опасное, чтобы не поставить под вопрос свои «чистые» документы. Девушка напротив зашевелилась. Все устроились, поезд тронулся, я положил рюкзак и куртку на соседнее свободное сиденье. Она стянула с себя куртку и попыталась положить ее на полку прямо над своей головой. Ее руки явно на это не хватало. Молодой человек рядом сидит с безмятежным лицом. Вторая попытка. То же. Ей нужно привстать или попросить молодого человека, которому это сподручнее, забросить куртку на полку. Есть еще вариант: тот сам предлагает это сделать, и я жду, что именно так он и поступит. Пауза. Девушка не хочет привстать, но начинает чуть возиться на месте. Молодой человек обращает на нее внимание, поворачивает к ней лицо. Что ты хочешь? Куртка? А-а, понятно. Девушка сворачивает куртку потуже, привстает и забрасывает ее на полку. Когда она тянется рукой наверх и чуть-чуть в моем направлении, у меня возникает желание взять куртку из ее рук и забросить ее самому. Но я тут же обрываю свой мысленный жест. Такие мои российские автоматизмы уже пугали местных жителей, и я заранее смущен тем, что и в этот раз девушка неверно истолкует мой жест. Я остаюсь на месте, посматриваю на пару напротив, углубляюсь в пейзаж за окном и

чувствуя себя в «рамках». С другой стороны, путешествие само по себе — всегда нарушение границ, и я не чувствую себя слишком спокойно в поезде даже с билетом. Поэтому под поверхностью удерживающего мой разум успокоения (ложного), я чувствую действительное спокойствие, безразличие: мне все равно, с билетом я или нет — это волнует не меня, а контролеров. Но что меня действительно беспокоит, это то, что я не изменюсь после этой поездки, с самого начала принятой мною как контролируемое нарушение, опыт за рамками превратившегося в привычку послушания. Я тороплюсь забить его рефлексией, рационализировать, насильно вписав его в привычные для себя схемы, тем самым выведя из-под сомнения привычный способ действия — социально допустимое, которое, в свою очередь, позволяет мне молчаливо или открыто судить о других и других. Страх лишиться этого морального основания еще раз указывает, что я затвердел. Это очень умеренный шаг — рискнуть, не рискуя, зная, что контролер не станет выбивать из меня деньги. Незаметно для себя — как я вижу отсюда — я превратился в человека, через привычное умолчание принявшего большое число неявных допущений, в которых можно видеть основу солидарности, но в которых на деле больше слепого контроля и социальной инерции. Выбирая обычно между путешествием, открытием возможности, нарушением границы или сохранением статус-кво, спокойствием, постоянством, я часто выбирал второе (что касается прогулок, знакомств, мест). Я потихоньку упустил опыт необычного и теперь сопротивляюсь его введению в собственный жизненный мир. Я боюсь, что это не позволит мне воспринимать себя прежним. Между тем, как и все, я собираюсь сейчас перекусить заранее купленными продуктами. Я пишу, я устроился с удобством в кресле. Я не хуже других, если у меня нет билета — на каком-то высшем уровне. И одновременно, с социологической точки зрения, это социальная дисквалификация, а с этической — преступление.

собственные мысли. По ряду снова возвращается молодая негритянка. Здесь свободно? — Я киваю, принимаю рюкзак и куртку и снова делаю приглашающий жест всем телом, пододвигаясь. Она усаживается. Я пристраиваю рюкзак к стенке под столиком; пока я это делаю, она устраивается на своем месте. В какой-то момент наши руки соприкасаются, она отдергивает свою. Это уже вполне по-русски. Я кладу куртку на колени и смотрю на новую соседку по креслу, точнее скользну взглядом по ее лицу, которое уже приняло отсутствующее выражение. Похоже, она еще не привыкла ездить в набитых скоростных электричках, искать место и т.д. Я возвращаюсь к своим мыслям. Иногда закрываю глаза. Время от времени вспоминаю о контролере, особенно когда позади меня, в вагоне раздается какой-то шум. Я отвожу глаза от окна и с учащенным сердцебиением смотрю в темно-зеркальную стенку: это пассажиры пробираются на свои места из туалетов или из ресторана. Мною попеременно владеют почти полное спокойствие и настороженное, испуганное внимание. Но решимость довести игру до конца превращается в своеобразный стержень внутри меня. Эта решимость почти призывает контролера, как африканские жрецы призывают дождь. А вокруг этой решимости — подвижная, колеблющаяся нерешительность, которая желает, чтобы ничего не произошло, чтобы все осталось, как есть, поскольку особенное состояние уже состоялось, его уже не отменит отсутствие контролера, и ей кажется, что этого вполне достаточно. Но решительность сильнее, она дает спокойствие, которое

То, что должно спасти меня от самоагрессии — это не самоуспокоение и рационализация, а слежение за своими реакциями — как за состояниями в условиях контролируемого нарушения.

Все-таки, мне кажется, честнее сказать контролеру: «У меня нет билета», чем играть в его поиски, изображать, что забыл его, зная заранее, что от сознания собственной неправоты вряд ли сумею довести игру до конца. Простая истина легче. С ней не нужно ничего делать: ее нужно просто произнести, и все. Поскольку билета все равно нет, это будет намного более сильной интервенцией, чем его ложные поиски. Да, кажется, я возвращаюсь к себе.

Ага, вошел контролер. У меня покалывает изнутри, чуть конвульсивно сжимает горло и живот. Когда он вошел, он взглянул на меня, а потом прошел дальше. Я явно волнуюсь, но когда пишу эти строки, расслабляюсь, и снова начинаю волноваться, слыша, как он приближается. Когда я пишу, что волнуюсь, я успокаиваюсь, когда пишу, что успокаиваюсь, начинаю волноваться, но более приглушенно. Мне нравится эта волнообразная смена состояний.

Итак, все прошло спокойно. Он забрал мой паспорт и унес его, а на мой вопрос, что будет с ним делать, ответил: «штраф к оплате». Интересно, принесет он мне его обратно, или я должен буду забрать его «за выкуп»? Даже если он унес его просто так, «навсегда» — что маловероятно — я не чувствую особого страха: это результат моей слабой стратегической протенции, одобренной самоуспокоением.

А вот, вернул паспорт с двумя квитанциями под копиру. Вежливо: «Пожалуйста, месье». Отсутствие адреса вопросов не вызвало. Я почувствовал облегчение (но отнюдь не катарсис), и, все же, что-то осталось — опыт, чувство пройденного препятствия. Мне понравилось это чередование спазма и расслабления, когда он приближался, а я записывал свои ощущения.

связано и с моим первым удачным опытом. Я думаю о встрече с контролером не как о неизбежности, или, что еще хуже — о неопределенной опасности, а как о контролируемом эксперименте. И потому чувствую себя сильнее его. Мне только нужно придумать, что и как ему сказать. Я решаю, что если он, все же, войдет, я скажу ему, что у меня не просто нет денег, но и не будет, и что я не смогу заплатить штраф. Я понимаю, что это осложнит ситуацию, но только так я продвинусь по отношению к первому элементарному опыту. Время от времени я закрываю глаза, но спать не хочется, точнее намеки на сон сразу исчезают. Я оказываюсь ближе к своим мыслям, их уже не смягчает мельтешение окружающей обстановки. А кроме марсельских двух дней у меня — разгоряченные мысли о парижских делах, а оттуда — и дальше, о московских, о том, как связать эти опыты и что можно изменить в парижском и московском, захватив марсельский как новую точку отсчета. Мне кажется, что стальной корпус электрички — это мост в моих мыслях между тремя важными точками, причем в сторону Москвы он начинает теряться в дымке. Но этот мост горячий, только что сваренный, еще не остывший и ковкий. Я прикасаюсь к нему, подхватываю его детали, но не держу их долго на одном месте в своих мыслях — они жгут воображаемые руки, и я оставляю одну, чтобы переместить другую. Клацанье железной машинки позади меня. Легкий холодок внутри — тонкой струйкой, и горячая волна от живота по всему телу. Сначала я смотрю на попутчиков. Те не двигаются. Перевожу взгляд на стенку — точно, контролер. Уже совсем близко. Девушка напротив расстегивает сумку, негритянка достает свой билет.

Он подходит к нашему столику. Молодой, небольшого роста, с черной бородой, с хитроватым лицом бывшего грека. Одет в темно-синий костюм, никак не выдающий его профессии, но одновременно внушающий идею строгости. Девушка напротив вытягивает из сумки свой и молодого человека билет. Очередь негритянки. Она протягивает какую-то блеклую бумажку, тоже похожую на билет. Дырочка машинкой. Контролер смотрит на меня.

— У меня нет билета и нет денег, чтобы заплатить штраф, и не будет в ближайшем будущем, чтобы это сделать. Могу ли я избежать штрафа?

Лицо контролера чуть меняется. Из-под простой сосредоточенности и строгости под его бородой проступает острое, холодное выражение. Он произносит что-то вроде «Ну-ну...» или «Минуту...» и поворачивается к последнему столику через проход. Клацанье машинки. Он поворачивается ко мне. Я — в напряженном ожидании. Так это дело не закончится: он будет выяснять отношения на месте? Я бросаю взгляд на девушку напротив — интересно, осуждает ли она меня или сочувствует? Выражение легкого экстаза на ее лице даже не колыхнулось. Никакого интереса к ситуации, по крайней мере, внешнего — как у молодого человека, когда она пыталась забросить свою куртку на полку. У меня

мелькает мысль, что уж потом-то они меня «обсудят», как, я видел, это делают иногда французы, казалось бы, вовсе не затронутые происходящим, а впоследствии так горячо выражающие свое участие или негодование. Контролер обращается ко мне:

— Вставайте. Пойдемте со мной. Возьмите свои вещи.

Его голос звучит очень спокойно, а жест, который сопровождает слова, выглядит почти дружеским, общительным. Неужели подействовало так быстро? — думаю я и почти радостно встаю, чтобы идти за ним по вагону. Я достаю рюкзак из-под столика.

— Это все? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я.

— Хорошо, — пойдемте.

Он поворачивается и идет в направлении двери. Я чуть волнуясь, немного рад такой быстрой развязке, несколько насторожен ее легкостью — я уже не чувствую стержня решительности, ощущения колышутся на поверхности. Сначала он даже не смотрит, двигаюсь ли я за ним. У выхода из вагона оказывается лестница наверх. На ее нижних ступеньках сидят черные подростки. Он обращается к одному из них, даже не произнеся, кажется, ничего членораздельного, просто напомнив о чем-то своим присутствием. Подросток встает и вытаскивает из штанов сложенный жеваный листок, похожий на билет. Контролер смотрит в него, что-то негромко и, как кажется, назидательно, произносит и вступает на лестницу. Он поднимается по ней, также не глядя, иду ли я за ним. На последних ступенях оглядывается.

— Мне идти за вами? — спрашиваю я. Он кивает:

— Идите-идите.

Я поднимаюсь. Мы проходим по вагону-ресторану, который оказался в следующем вагоне, на втором этаже. У хромированной стойки мужчины и женщины в расслабленных позах пьют сок, жуют бутерброды. Не доходя до них, он оглядывается, чуть приостанавливается. Я тоже. Он смотрит на меня, бросает взгляды по сторонам. Я думаю, что он хочет «по душам» поговорить со мной и потому ищет место поединеннее [как я подумал сейчас, он мог проверять мой настрой, не агрессивен ли я, можно ли подстраховаться присутствием множества других людей]. Он снова поворачивается. Мы проходим мимо стойки. За нею — дверь, уводящая за стойку, изгибающийся оранжевый коридор. Мы словно миновали освещенный пяточок. Люди в 2–3 метрах от нас, но, кажется, они совсем в другом месте; впереди — пустой коридор. Контролер останавливается и поворачивается ко мне.

— Вы едете без билета?

— Да.

— У вас нет денег, чтобы оплатить штраф?

— Нет, я всегда плачу, но в этот раз мне осталось несколько дней во Франции, у меня закончились деньги, а я очень хотел увидеться со своими друзьями в Марселе. — Я тоже начинаю игру, с хода дружбой и в ре-

гистре правдивой жизненной истории, проверяя, можно ли вызвать его сочувствие. Судя по тону всех предшествующих реплик, он настроен дружелюбно, и я уверен, что он сейчас скажет: «Ну ладно, но больше так не делайте». Вместо этого он продолжает:

— Сколько у вас есть денег?

— Пятьдесят франков, — отвечаю я.

— Кредитная карта?

— Нет.

— Вы уверены, что не сможете оплатить штраф на вокзале?

— Да.

Кажется, тема исчерпана. Какая игра может вестись против безденежья и дружбы. Но тут ее место занимает другая. Контролер переходит в наступление, его тон меняется.

— Ну что же, я сейчас позвоню, поезд остановится, и вас сдадут в комиссариат.

Я смотрю на него молча спокойным взглядом, пожимаю плечами с выражением обреченности, которое должно подтвердить, что без денег я незащищен перед этим фактом. Он видит, что я не напуган, поэтому снова возвращается к теме денег.

— Вы уверены, что у вас нет денег?

— Да, пятьдесят франков.

— Иностранная валюта?

— Нет, — я почти всерьез удивлен.

Делая чуть нетерпеливый жест рукой, он настоятельно, тоном старшего произносит:

— Показывайте ваш кошелек.

Дело принимает неприятный оборот. Я уверен, что он не имеет на это права, но если я запросто откажусь, это сломает мою игру с доводами в пользу жизненной истории об истраченных деньгах и дружеской поездке. Я мгновение колеблюсь: в кошельке только мелочь, но в кармане на молнии еще и кредитка. Но ломать игру не хочется. В голове мелькает мысль, уже посетившая на вокзале, в ожидании поезда — об эффекте Мессинга, когда тот в детстве показал контролеру подобранную с полу бумажку, глядя ему прямо в глаза, и тот увидел в ней билет. Я придаю лицу честное выражение и вытаскиваю кошелек. Он делает нетерпеливый жест: открывайте. Я расстегиваю кошелек и как бы невзначай раздвигаю карман для бумажных денег: пусто. Но нарочито явственно я тянусь к кнопке на кармашке для мелочи. Театральным жестом вываливаю мелочь на ладонь и протягиваю ему. Он бросает поверхностный взгляд и снова делает жест рукой:

— Дальше, все.

Тут я чувствую волнение, от него я, наверно, чуть краснею, но в коридоре не очень хорошее освещение, а контролер сосредоточен на кошельке. Да и я не отрываю от него простодушно-демонстративного взгляда. Я пытаюсь снова отвлечь его внимание и раздвигаю кармаш-

ки для визиток, где одиноко зеленеет полоска билета на метро. Он тычет пальцем в молнию:

— Это тоже.

Следующее мгновение, которое оставляет мне ритм моих демонстраций — раздумье. Я уже готов сказать «нет», но понимаю, что полностью выдам себя, если вдруг откажусь открыть одно отделение. Кроме кредитки у меня там куча других карточек: пара телефонных, одна от ксерокса, еще какая-то. Я наивно рассчитываю, что, вынув их все, покажу только верхнюю — вдруг он поверит, что среди них действительно нет кредитки. В том же ритме я наполовину расстегиваю молнию кошелька. Карточек не видно. Я беру первую попавшуюся с краю и вытягиваю ее, на ходу пытаюсь сообразить, что придумать, если это вдруг окажется кредитка. Это точно она. Но не французская, а русская, не существующего теперь СБС-Агро, разорившегося в августовский кризис 98 года — мне на нее начисляли стипендию в аспирантуре и я ее для каких-то сомнительных целей сохранил в кошельке. Вместо одной кредитки — другая. Идеальный трюк иллюзиониста. Он берет ее в руки, вертит. Явно не то: не похожа, русские надписи, фото на обратной стороне.

— Это поддельная карточка. Это русская штука, и она исчерпана, — объясняю я. Несмотря на чудовищный цинизм этих слов, он почему-то не задает вопросов. Вертя ее в руках, он роняет ее на пол. Она летит, вращаясь, как бумажный лист с крыши здания. Мы делаем одновременно жест, чтобы поднять ее: я совсем легкий, по привычке, как чтобы помочь девушке забросить куртку; он — тоже рефлекторный, как будто он уронил какую-то обычную вещь и просто решил поднять ее. Он наклоняется и поднимает ее. Передает мне.

— Ваши документы.

— Я расстегиваю карман и протягиваю ему паспорт.

Он смотрит на первую страницу.

— Вы действительно русский?

— Да, русский.

— У вас есть виза?

— Да.

Похоже, ему не часто приходилось иметь дело с российскими загранпаспортами. Он перелистывает страницы. Он погружен уже в это новое занятие. Мой кошелек забыт, и пока он занимается паспортом, я спокойно кладу кошелек обратно в карман. Он приближается ко мне с развернутым паспортом:

— Это виза?

— Да.

— А для какой страны? А, шенгенская. Так, оставайтесь здесь, я иду сообщить, чтобы остановили поезд. Мы вас передадим в комиссариат.

Он забирает паспорт и уходит по верхней части вагона, снова через ресторан. Я понимаю, что он пользуется стандартным ходом из

хорошо отработанного арсенала: напугав, заставить ждать. Интересно, куда в таких случаях уходят контролеры? Поболтать с коллегами, посоветоваться с главным? Проверить билеты у остальных? То, что он воспользовался стандартным ходом, меня успокаивает. Я быстро запикиваю кредитку в дальний угол кармана с молнией и застегиваю кошелек. Первый этап пройден. Я опираюсь спиной на стенку, глядя перед собой. Иногда поглядываю на пассажиров, толпящихся у стойки. Но былое ощущение свободы улетучилось. Стержень решимости вернулся в нашем диалоге, в моей готовности довести свою линию игры до конца. Я больше не чувствую себя над ситуацией. Я в игре, и сердце быстро гонит кровь внутри меня, несмотря на то, что я храню спокойное выражение на лице. Я раздумываю, сколько может продлиться ожидание и смотрю, где могу присесть. Коридор лишен всяких удобств. Устраиваться у стойки, ничего не заказав, глупо, да в эту минуту и не хочется смешиваться с толпой жующих. Хотя мелькает озорная мысль: купить себе что-нибудь попить и, тем самым, сделать следующий шаг в нарушении границы. Представляю себе чувства контролера, когда тот вернется и найдет меня, спокойно попивающим фанту. Но это усиливает неустойчивость моего положения. Я вошел в роль: пожалуй, честный человек без денег вряд ли позволит себе напиток в баре. К тому же, несмотря на стандартность приема с испугом-ожиданием, за ним может стоять что-то еще мне не известное — риск есть. Я не знаю, вернется ли контролер один, с начальником или с полицией. Я снова сосредоточиваюсь на себе, успокаиваясь. Время от времени поглядываю в проход, по которому он ушел. Снова колеблюсь между спокойствием, когда думаю о том, что пока все проходит в рамках контролируемого эксперимента, и внезапным беспокойством, когда думаю о том, с кем может вернуться контролер. Я уже принял вариант, что меня могут ссадить с поезда, и представляю, как голосую на дороге проезжающим грузовикам. Это расширило бы мой опыт — настоящее, не вымученное путешествие. С другой стороны, — думаю я, — вряд ли ради меня одного остановят поезд. Я гляжу на жующих людей — их много. Во всех вагонах их еще больше. Вряд ли всем им доставят неудобство ради того, чтобы высадить одного меня. И все же не могу до конца успокоиться. Смотрю в стену, ухожу в себя. Слева раздаются какие-то слова. Я поворачиваю голову. Какой-то молодой человек в цивильном: свитер, «типично французское» лицо. Я сначала решаю, что это коллега контролера пришел выяснить подробности.

— Вы говорите по-французски? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я осторожно.

— Вы сделали большую глупость. До Лиона они не начинают проверять билеты. А так они очень внимательны к этому, и теперь у вас могут быть проблемы. — Я замечаю в его руке бутылочку «Оранжевые», накрытую стеклянным стаканом. Никакой это не коллега контролера,

просто сочувствующий пассажир. — Вы неправильно поступили. — Он проходит мимо меня по коридору и оказывается уже справа. Кажется, несмотря на свое сочувствие, он не очень расположен долго светиться рядом со мной.

— А как надо было? — спрашиваю я со странной смесью чувств: говоря с ним, внутри я ощущаю спокойствие, навеянное ситуацией контролируемого эксперимента, но снаружи, из-за этого сочувствующего вмешательства, ощущаю себя нарушителем, который рад ухватиться за любую возможность, чтобы ускользнуть.

— У вас заграничные документы?

— Да.

— Вам нужно было просто отдать им документ и дать выписать штраф. Нет проблем.

— Спасибо, — я благодарю его не за и без того очевидный совет, а за то, что он заговорил со мной. Он проходит по коридору, с бутылочкой, накрытой стаканом, кивнув мне на прощание.

Контролер не возвращается. Некоторое время я стою там же. В коридор выходит мужчина с мобильным телефоном и начинает выяснять у собеседника, точно ли это то, что тот имеет в виду. Видно, что это состоятельный господин, несколько вальяжный и не без жирка. В колеблющемся настроении я перескакиваю глазами с людей на стены, с пола и собственных запыленных ботинок на свое отражение. Из двери загородки, ведущей за стойку, пару раз выходит-входит человек в полуофициантском костюме и с короткой стрижкой. У меня возникает вопрос: кем он здесь работает. Но мне даже не приходит в голову посмотреть за стойку, когда он входит — появляется ли он там. Человек с мобильным телефоном заканчивает разговор и остается в коридоре, глядя в маленькое окно на проплывающие пейзажи. Вдруг поезд начинает тормозить. Я, было успокоивший себя на этот счет, на секунду ощущаю прилив страха: неужели действительно высадят? За окном потихоньку смеркается. Я пытаюсь разглядеть пейзаж, но окно маленькое и низкое, мне видны только ветви деревьев и провода вдоль пути. И тут же я снова призываю себя к разумности: ради меня — нет. А если да, — думаю я, — как они меня высадят: вернув паспорт или нет? А если я начну сопротивляться, устрою скандал на публике, буду упираться. Может быть, для таких случаев в поезде есть двое полицейских в амуниции и с дубинками? Я воображаю, как буду цепляться за стены руками, и мне становится не по себе от стыда при виде собственного скрючившегося и изогнутого тела. Пожалуй, я спокойно выйду и пешком доберусь до деревни или шоссе — что ближе. Но нет, они не станут останавливать поезд из-за меня. Все это — за рамками допустимых, «разумных» мер. Я сажусь на крохотный металлический выступ у стены. Неудобно. Через некоторое время чувствую, что напряженные ноги еще больше устали, чем если бы я продолжал стоять. Я встаю. Прямо напротив дверцы за стойку, в

стенке вагона — маленькая дверь с окошком. Перед ней — совсем незначительный выступ. Хоть немного места. Я перемещаюсь к двери, сажусь на пол, придвигаю к стене свой рюкзак. От двери немного поддувает. Я прижимаю ладонь к стыку двери со стеной: равномерный холодный воздух. Сквозь куртку сама дверь тоже холодная от скорости, но я плотно прижимаюсь к ней спиной и, теперь совсем успокоившись, поглядываю на окружающих. Пару раз человек с мобильным телефоном протискивается мимо меня в сторону бара и обратно, в первый раз даже произнес что-то вроде: «Прошу прощения, друг». Иногда проходят женщины, смущенно прижимаясь к стенке. Для удобства я выставил одну ногу, уперся ею в противоположную стенку и перегородил весь проход, но когда кто-то приближается, убираю ногу. Наверно, со стороны это выглядит непривычно и даже пугающе, особенно в баре, где все располагаются совсем иначе. Для меня это неважно. Я пользуюсь льготами нарушителя. Время течет медленно и как будто нехотя, как старая, утратившая упругость резина. Кстати, думаю я, черная стеклянная стенка, на которую я понадеялся вначале — иллюзия: поезд полностью сквозной, просто иногда нужно подниматься по ступеням и идти через верх [как и в случае с устройством рельс на парижском и марсельском вокзале, на такие детали обращаешь внимание только в особых обстоятельствах].

Быстрым шагом, с веселым выражением на лице контролер проходит мимо меня, открывает в коридоре маленькую металлическую дверцу, которую я не заметил раньше. За ним проходит девушка пассажирского вида, с банкой «Оранжевые» в руке. У нее обычное лицо парижской буржуазки, волосы забраны в хвост, свитер, брюки. У нее тоже почти веселое выражение. Они начинают что-то обсуждать, я слышу не фразы, а интонацию: он говорит ей, что это не страшно или что все нормально, но что это странно. Странно, в свою очередь думаю я, так с безбилетниками не разговаривают. Но и на сотрудницу она тоже совсем не похожа. Все время она провела в баре. Вряд ли ее работа — наблюдать за порядком под видом обычной пассажирки, это было бы уже совсем, как в шпионских фильмах, а то и антиутопиях. Он быстро о чем-то с ней договаривается и она уходит, снова в сторону бара, протиснувшись мимо меня. Теперь он смотрит на меня с веселой агрессией — сверху вниз, я на него — спокойно снизу вверх. Он делает призывающий жест ладонью:

— Месье, подойдите сюда.

Я поднимаюсь, беру рюкзак. Поезд продолжает идти. Игра начинается заново. Я приближаюсь, глядя на него.

— Месье, сейчас я остановлю поезд, и вас передадут в комиссариат.

Похоже, его арсенал не так уж обширен. Я не испуган, он видел, как я спокойно дожидаюсь его возвращения. И эту угрозу он произносит уже каким-то более расслабленным тоном. Он проходит в узкую кабинку, в которую ведет не замеченная мною дверца. Внутри все хро-

мированное, как в ресторанной кухне. Кресло, узкие металлические полки, заполненные папками и какой-то бытовой мелочью. Неужели это — ужасный вариант купе проводника? В самом деле, пахнет антиутопией. Сначала он проходит в кабинку, потом разворачивается и остается в дверях, а я снаружи.

— Вы понимаете, что сейчас я остановлю поезд? — Он картинно хватается за мобильный телефон и нажимает пару кнопок. — И там вас сдадут в комиссариат. Вам этого хочется?

— Конечно, нет, — отвечаю я.

Он оставляет телефон в покое.

— Вы точно не можете заплатить?

— Нет, я же сказал.

— Послушайте, но это же безумие. Вы садитесь в поезд без билета, у вас нет денег. На что вы рассчитываете? А в России вы тоже ездите без билета? Что бывает, если вы без билета?

Игра принимает новый оборот. Он столкнулся с постоянством моей линии, угроза ссадить меня, по видимому, не пугает. Даже комиссариат не производит должного впечатления. Кажется, он не знает, что делать, и невольно делает шаг навстречу, вступая в дискуссию. Этого я и ждал.

— Вы действительно хотите это знать? — Я раздумываю, стоит ли ему сказать, что в таких случаях платят непосредственно проводнику. Но не решаюсь, т.к. линия игры с правдивой жизненной историей еще не исчерпана.

— Да. Небось вас выбрасывают с поезда?

— Да, — соглашаюсь я, — бывает и выбрасывают. Но если проводник видит, что я без денег, он чаще всего понимает ситуацию. Ведь он сам может оказаться в похожей.

На мой взгляд, обескураживающий аргумент. Я вхожу во вкус, я уже не чувствую опасности. Теперь — это только игра, и он, кажется, смотрит на наш диалог точно так же. Он должен довести до конца свою линию строгого формалиста, а я свою — объекта помилования.

— Ага, а как же Красная Армия? — Я не знаю, как ответить. Похоже, в его голове — образ из какого-то фильма, где грозные усачи в буденовках идут по вагонам со штыками наперевес. Объяснить, что Красная армия не проверяет билетов, не стоит. Я беру в оборот новую тему.

— Понимаете, я все время плачу, и подумал, что один раз могу не заплатить, что могу это себе позволить.

— Ага, в России вы всегда платите, а здесь можно не платить! — восклицает он, кажется, снова нащупав точку опоры.

— Нет, — спешу поправиться я, — я здесь всегда плачу, всегда покупаю билет, трачу деньги в магазине и т.д. И подумал, что один раз, когда деньги кончились, могу себе позволить...

— Но это безумие, — снова восклицает он. Секундная пауза. — А у вас есть доказательства, что вы все время платите? Старые билеты?

— Нет, — отвечаю я. — Я не думал, что надо с собой возить старые билеты для таких случаев.

— Вот видите, у вас нет никаких доказательств, — резонно замечает он. — И все это может быть просто красивыми историями, которые вы мне рассказываете.

— Да, — соглашаюсь я. — Я согласен.

Это ему совсем не нравится. Я согласился с его доводами, и тема снова исчерпана. Тут мимо проходят двое в форме работников ж/д. Один — точно старший, судя по лицу и одежде. Они смотрят на нас с интересом и даже заинтриговано. Похоже, для них пассажирские выкрутасы — такое же азартное зрелище, как для меня — поведение контролера.

— Представляете, — обращается к ним мой контролер, — сел в поезд без билета, нет документа с указанием адреса, и говорит, что всегда платит. А если бы в России, Красная Армия...

Те на секунду задерживаются:

— А как мы проверим, что адрес, который вы нам скажете — правда?

Я жму плечами. Они проходят дальше. Мой контролер окончательно теряет напор.

— Так, ну что будем делать? Я сейчас звоню, поезд останавливают...

Тут по проходу приближается старушка, которая внимательно шарит по полу глазами. Она подходит к контролеру и начинает объяснять ему, что что-то потеряла.

— Здесь этого нет, мадам, — говорит контролер, внимательно глядя на старушку. Та в самом деле выглядит странно.

— Точно нет? — Старушка не унимается и пытается заглянуть в кабинку контролера.

— Нет, нет, мадам! — Отвечает он, еще больше насторожившись и помрачнев.

Старушка ничего не говорит, но продолжает осматриваться. Контролер чуть подается вперед всем телом, хотя и остается на месте. Он смотрит на нее так, словно хочет побыстрее спровадить ее одним взглядом. Я, пока старушка задает вопросы, отошел чуть в сторону, дав им говорить, поэтому наш разговор подвис, а спасительная полусумасшедшая старушка затягивает паузу, шаря глазами по коридору и заглядывая на пол кабинки. Мой следующий вопрос вертится на языке, и пока старушка топчется между нами, я нисхожу к более тихому, проникновенному тону. Как только старушка проходит дальше по коридору, я делаю медленное движение обратно, к проему в кабинку и, почти заглянув в нее, пока контролер еще не отделался от неприятного ощущения, дружеским голосом спрашиваю:

— А если вы меня ссадите, на ваш взгляд, я смогу добраться до Парижа автостопом, или как это называется?

Он возвращается взглядом ко мне.

— Да, но перед этим вы проведете 3 или 4 дня в комиссариате. Вам хочется иметь такие проблемы?

— Нет, — отвечаю я обреченно. Пауза.

— Вы точно не можете заплатить вашей карточкой на вокзале? — Он почти устало возвращается к избитой теме.

— Нет, она русская и исчерпана.

— У вас нет иностранной валюты: марки, доллары?..

— По-вашему, во Франции мне нужна иностранная валюта?

Теперь его очередь жать плечами. Похоже, этот вопрос — тоже из стандартного арсенала, и он задает его по инерции, не обращая внимания на разыгранное мною положение человека совсем без денег.

— Может быть, у вас, все же, есть деньги?

— Пятьдесят франков, — отвечаю я с готовностью.

— Показывайте ваши карманы.

Мне это определенно нравится. Игра снова начинает пахнуть насилием и обманом: обыск карманов — явно дело неправомерное. Мне хочется посмотреть, как он будет меня обыскивать. Но вместе с тем я возмущен таким произволом. Мгновение я снова колеблюсь между соблазном посмотреть, как это происходит, и решительным отказом. Я решаюсь:

— Смотрите.

Он поочередно тыкает в мои карманы. Я достаю из куртки платок и показываю ему. Он нерешителен. Я веду бедром в его сторону, подставляя карман:

— Щупайте.

Не знаю, не переоценил ли я его стремления к произволу. Похоже, он не ожидал такой готовности, и щупает мой карман с явной нерешительностью. Потом решается и, указывая на карманы жилетки, говорит:

— Эти тоже, показывайте все. И в рюкзаке тоже.

Мне это уже не кажется таким захватывающим, но почему-то забавляет показать незнакомому человеку содержимое своих карманов, да еще и разочаровать его этой демонстрацией. Я расстегиваю карман жилетки, достаю оттуда записную книжку, к которой обратной стороной прижата корочка MSH. Второй удачный трюк иллюзиониста. В прошлом году мне выписали штраф в метро именно по ней, на адрес «54, bd. Raspail». На этот раз я спокойно засовываю книжку с прижатой к ней корочкой обратно.

— Теперь этот.

Я расстегиваю другой карман. Мало-помалу неприязнь к процедуре побеждает во мне интерес: она становится рутинной. В другом кармане — маленькая записная книжка, телефонная книжечка, где записан мой адрес в Париже, пара бумажек. Одна из них — маленькая коричневая, на которой написано: «Признаюсь, это я съела твою конфету». Контролер встrepенулся.

— Это что? — он тычет в бумажку.

— Хотите почитать? — я внутренне смеюсь над выражением его лица, когда он ее прочтет. Но он теряет к ней интерес, как только я отделию ее от остальных бумаг. Жаль.

— Здесь. — Он тычет в маленькие карманчики, где лежат бумажные салфетки. Кажется, он снова обрел боевой дух и теперь командует решительно и строго. Я вытаскиваю пакетик с салфетками.

— Другой. Показывайте все.

Я вытаскиваю скомканный чек, который выдают банкоматы, когда снимаешь деньги с кредитки.

— Щупайте, — предлагаю ему я.

Он щупает карманы жилетки и натывается на кошелек в кармане брюк.

— Это что? — Я вынимаю кошелек из кармана.

— Это кошелек. Я уже показывал.

— Показывайте все.

Я немного холодею. Игра снова принимает опасный оборот. И мне это уже надоело.

— Я вам его уже показывал.

— Все, все показывайте.

— Так, — вспыхиваю я, — я вам не буду его показывать. Вы уже один раз его видели. Во второй раз — это уже оскорбление. Что это такое: покажите один раз, покажите по второму разу?!

Это его осаживает. Он чуть отступает вглубь кабинки и смотрит на меня каким-то смущенным и одновременно азартным взглядом, как будто сам только что нарушил правила и был схвачен за руку. Секунду мы стоим друг напротив друга.

— Так, вы не хотите показывать. На станции вы покажете полиции.

— Я вам показал, но по второму разу — это уже оскорбление.

Теперь мы оба — нарушители. Я чувствую себя выигравшим. А он, как мне кажется, готов смириться. Мы оба чувствуем легкую усталость и переходим на спокойный тон. Мы становимся собеседниками.

— Послушайте, — он присаживается на кресло и достает книжку с квитанциями, — но как вы можете сесть на поезд, не заплатив?

— Но, послушайте, я потратил все свои деньги во Франции, инвестировал их во французскую экономику. И теперь, когда у меня их не осталось, а я очень хотел увидеть друзей, я просто сел на поезд без билета.

Он берет мой паспорт и начинает заполнять квитанцию.

— Но таких, как вы... вы думаете — вы один? Каждый день 30 человек ездят без билета.

— Русских? — С наигранной напористостью спрашиваю я.

— Нет, вообще людей без билета. — Похоже, для него безбилетник не имеет национальности.

— И вы думаете, что такая большая компания, как SNCF, не может себе позволить 30 безбилетников в день? — Я снова апеллирую к его чувству социальной солидарности, завершая линию дружбы и правдивой жизненной истории.

— Да, но сегодня их 30, а завтра будет 100, — резонно замечает он. Я не возражаю.

— Где вы живете?
— В Париже.
— А что значит в визе «деловая поездка»? — Он настораживается. Кажется, снова можно завести разговор о деньгах.
— Учеба.
— А что за учеба?
— Социология. — Я хотел бы избежать уточняющих вопросов: ведь у студентов бывают студенческие билеты.
— А где?
— В Париже. — Я рассчитываю, что этого будет достаточно, и он в самом деле устал уточнять и настаивать. Точнее, он продолжает делать ходы, но теперь в ложном направлении. Он глядит в визу.
— Что это за учеба в течение месяца?
— Как это, стажировка? Да, стажировка.
Он возвращается к бумажкам.
— Где вы живете в Париже?
У меня остается еще один ход для продолжения эксперимента. Это уже совсем напоследок. У меня впечатление, что он готов написать что угодно, что мы с ним уже сообщники. Но мне хочется довести эксперимент до конца.
— Я живу у друзей и не хотел бы давать их адрес. Я не хотел бы впускать своих друзей: билет не купил я, а они здесь ни при чем.
Он поднимает на меня глаза. Похоже, он опять не ожидал такого хода. Наверно, с готовностью дать себя обыскать, интересом к его мнению и нежеланием сообщать адрес друзей, я произвожу впечатление исключительно неискушенного в безбилетном проезде человека. Но так как я продолжаю свою линию игры, он возвращается к своей.
— Мы не можем здесь сидеть до вчера. Или вы говорите мне свой адрес, или я звоню в полицию.
Я делаю вид, что решаюсь и называю воображаемый адрес:
— Улица Беранжер, 27. — Он записывает. — Но у моих друзей не будет проблем?
Не отрываясь от бумажки, он успокоительно, совсем уже дружески качает головой.
— Где это?
— Около Республики.
Он вписывает индекс, скорее всего, неправильно, отрывает квитанцию и протягивает мне вместе с паспортом. История закончена. Эксперимент удался. Я чувствую себя усталым и наполненным. Теперь, за границей формальной ситуации, когда дело сделано, мне остается пощупать, насколько его профессиональная игра соответствует личным предпочтениям. Он все еще сидит в кресле, углубившись в бумажки. Я перегибаюсь через порог и спрашиваю его в тоне продолжения беседы:

— По-вашему, если я потратил все мои деньги здесь, вложив их во французскую экономику, мне нельзя проехать один раз без билета? Я платил за еду, я платил за поездки и потратил все здесь...

Он отрывается от бумажек. Секундная пауза.

— Вы тратили деньги в разных компаниях. SNCF — одна компания, остальные — другие. Каждый — сам за себя.

Разговор закончен, теперь полностью. Все точки расставлены.

— Доброго вечера, тем не менее. — Говорю я, направляясь по коридору в сторону второго класса. Он не отвечает, снова углубившись в бумаги.

Я иду через вагоны. Все места заняты. На меня смотрят добропорядочные пассажиры, я смотрю на них и вижу застывшие, чуть расплющенные благопристойностью лица. Наверно, на моем лице написано что-то совсем другое. Пара кресел не занята. Я спрашиваю у соседей:

— Вы не знаете, эти места заняты? Здесь есть кто-нибудь?

— Не знаем, — нехотя отвечают они. Возвращаться на прежнее место мне не хочется. Я обращаюсь к соседям через ряд с тем же вопросом. Мне кажется, со мной говорят не без неприязни: как я смею об этом спрашивать, это и так понятно!

— Да, здесь кто-то есть, — отвечает пожилая женщина с круглым лицом и в больших очках. — Сейчас все места заняты.

Для меня это звучит с каким-то совершенно иным призвуком — марсельские опыты наслаиваются на только что проведенный эксперимент: речь идет не о местах в поезде, а о местах в обществе. Я иду дальше. Одна из лестниц полностью занята расположившимися на ней подростками. Я решаю, что усядусь на лестнице посвободнее. Как раз в следующем вагоне. Я выбрал удачную лестницу. Ее облюбовали дети. Две мамы: одна с очень добрым, чуть обезьяньим лицом пасет двух малышек, которые карабкаются по лестнице вверх и вниз, почти не вмешиваясь в их похождения; другая, с усталым, но счастливым выражением таскает своего совсем маленького ребенка на руках или позволяет ему перемещаться по полу и по лестнице ползком, также страхуя его только на расстоянии. Время от времени дети тыкаются в мои ноги, опираются о меня, чтобы привстать. Смягчают искусственный свет в вагоне сиянием белокурых кудряшек и мельтешением своих нежных тел. Время от времени мы улыбаемся друг другу. Я смотрю в выписанную квитанцию: в графе гражданства вместо «России» написано «СССР» — имя несуществующей страны, а название улицы тоже написано неправильно. Может быть, это жест доброй воли со стороны контролера?

Когда поезд подходит к Парижу, на лестницу начинают выкатывать чемоданы и сумки. Торопятся сойти, как в России. А, казалось бы. Когда поезд почти останавливается, стоящая позади меня женщина с почти рыжими волосами, с какими-то то ли деревенскими, то ли мелкобуржуазными чертами лица, с белым мазком под губой, обращается ко мне, сидящему на лестнице:

— Не поможете ли мне снести чемодан? А я снесу ваш рюкзак. Это только по лестнице, на перрон. — Она явно смущена. — А то он очень тяжелый. А я снесу ваш рюкзак — я сделала хороший расчет. — Она деланно смеется.

Ну вот, совсем уже по-русски, кроме самой словесной формулы. А я ведь постеснялся помочь девушке забросить куртку. Неужели теперь на моем лице, в моей фигуре действительно проступило что-то столь однозначно понимаемое окружающими? Когда поезд останавливается, я сношу чемодан и ставлю его на перрон. Женщина подает мне рюкзак:

— Это очень любезно. Спасибо.

Я киваю и быстрым легким шагом иду по перрону. Париж выглядит немного иначе. Я словно вижу его сквозь узкий тоннель: нет мелькания красок, света. Точнее, все это есть, но на периферии зрения. В центре я вижу людей в их одежде, с их выражениями лиц, с их жестами и взглядами.